

Софья Шейко-
Маленьких

Лунное зелье

6+

Софья Ивановна Шейко-Маленьких

Лунное зелье

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51860590

SelfPub; 2020

Аннотация

Автор, преподаватель английского, делится впечатлениями от переезда с ребёнком и мужем из Петербурга в Китай. В основу очерков легли как истории, случившиеся с ней самой, так и рассказы студентов.

Содержание

Золушка Чен Хон	23
Старый город. Картинки	37
Зачарованное озеро	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Зелёный дракон

Зеленый. Почему-то он зеленый, этот дракон. Они должны быть красные. В крайнем случае желтые. А этот совершенно зеленый. Ни йоты, ни доли другого цвета, глубокий зеленый, как со дна ручья, или дикой лесной реки. В городе все реки коричнево желтые, мутные, не видно не только дна, не видно даже руки, если опустишь её в воду. А в лесу реки совсем другие.

Однажды она была в лесу. С бабушкой. И вид глубокой зелени листвы, тронутой золотом солнца и бликами голубого неба в гладкой, стремительной поверхности лесной речушки навсегда останется с ней. А еще у него коричневые глаза. У дракона в смысле. Не то чтобы это тоже было чем-то странным или выдающимся, в её стране у все созданий коричневые глаза, но у этого дракона они совершенно коричневые, или вернее, совершенно глаза, то есть такие живые и настоящие, смотрящие на тебя, улыбающиеся иногда весело и иронично, как будто не из картона, не из ткани создано это существо. Задумчивые глаза.

От этого даже страшно становится. Он неправильный, этот дракон. Они со стариком даже и стоят в уголке. Тихо так, подальше от других. Это тоже неправильно. Как преступники, одни, и страшно – старик почти не двигается – только дракон его пляшет вокруг, шевелит головой, весело открывает пасть, вот-вот и проглотит. Спина поднимается и опадает, и медленно как будто в задумчивости машет хвост.

Он не танцует, это не танец под бодрые литавры, это не полезное для здоровья упражнение, это живой дракон, он тихо зевает, встает на чуть прижатые лапы и вдруг взмывает ввысь. Старик лишь делает вид что водит им, лишь делает вид что держит управляющие ленты, на самом деле глаза его темны и тихи, он думает о чем-то, пока дракон скачет и взлетает вокруг воды под большими деревьями в вечерней тишине. Кто разрешил им так? КТО ПОЗВОЛИЛ? Страшно...

Дракон взмывает в воздух, замирает, поглядывает через плечо на хозяина, кажется, ухмыляется, даже подмигивает своему старику и потом вдруг опять обрушивается, пускается в пляс...

Здесь под глухой сенью деревьев опять они: старик и девочка. Её неудержимо тянет к нему, она приходит опять и опять. Поборов первый страх, смирившись с тем, что это плохо и неправильно и в то же время не в силах устоять перед искушением, она сперва тихо смотрит. Молча смотрит большими глазами. Потом берет из дома старый шарф и пытается повторять движения. Старик сначала не обращает на неё внимания. Слишком опасно. Он слишком устал. Слишком часто окружающие его... Но девочка приходит опять и опять. Её движения неловки, и так просто лишь показать пару нужных поворотов, на самом деле это ж так легко...

И вот морщинистая, шершавая рука – на среднем пальце нет пары фаланг, на мизинце содран ноготь, ладонь в шрамах, только не смотри на руку, не смотри сюда, это не важно

сейчас – взглядишь в движение, плавнее, видишь, вот так, не заметно и легко, легче гораздо, проще... как улыбка...

Мягкие руки ребенка без труда повторяют движения. Снова и снова и вот уже маленький дракон шарфик взмывает ввысь и пусть еще так неуверенно, так осторожно – но все же зависает уже в полете и потом спрыгивает на землю, чтобы танцевать...

Непонятно, когда так получилось, но, кажется, уже давно-давно по вечерам они сидят на ступеньках лестницы у реки, грязные волны плещутся, шипя, о ступени, между ними термос с чаем, две маленьких крышечки. Длинные листья ивы трепещут на ветру. Они почти и не говорят ни о чем, просто смотрят как постепенно на том берегу зажигаются огни.

Невозможно рассказать ей о том, что так же зажигались огни в далекой родной деревне, вечером когда спускаешься из леса выросшего на горах, когда усталые ноги еле шевелятся и видишь эти теплые и такие притягивающие, ждущие огоньки. Много лет спустя, когда гнали в лагерь и видел по дороге случайно такие огоньки, что-то вспыхивало в душе, и тухло – тебя никто не ждет, ты не нужен никому сейчас, неперевоспитуем. Всплывают искривленные ненавистью лица односельчан. Ты чужой.

Он всегда таким был, заберите его господин полицейский. Он тайно колдовал, и призывал духов, он молился чужим богам, он даже плевал на портрет Мао... с каждым криком

словом срок увеличивается, увеличивается число ударов, и они знают это, и добавляю еще и еще, за весь свой страх, за все непонимание, за то, что он всегда мог больше, чем они... накажите его, господин полицейский. Что ж наказание не заставляет себя ждать... любители наказать всегда найдутся... примерно, что б другим было неповадно... и тогда уже не встать, даже вздохнуть получается не всегда, и тают в глазах обманчивые огоньки родного села, которые обманывали всегда, всегда были чужими...

Над рекой поднимается туман, девочка чуть дрожит, и понимает, что не рассказать никак что огоньки на той стороне похожи на светляков. Тех, что она увидела случайно у бабушки в саду. Она кружили над колодцем, и казались ожерельем феи, но на самом деле все было еще лучше – они были живые, огромные, яркие, и они летали... свободные и счастливые... почти как его дракон... только они не могли защитить, а его дракон, пожалуй, может. От него исходит такая сила, как от бабушки.

Никто не приходит на площадь, под деревья у реки. И опять не приходит. Потом девочка находит на помойке часть того дракона. Глаз треснул, хвоста нет, половина зубов выбита. Она поднимает его, бережно держит на руках, бежит быстро, чтобы не увидели, не остановили. Нельзя на помойке, нельзя дракона, нельзя такого пораненного, он наказан за дело.

За углом видит процессию в белых халатах. Люди улыба-

ются. Тихо шутят между собой. «Сдох наконец. Не спас его волшебный дракон. Дракон то видели – развалился. Я ему так лихо глаз подбил. а я ему одной левой челюсть свернул. Жаль старик не увидит уже, сдох».

Теснее прижимает к себе искалеченную голову дракона. Тихое теплое дыхание на грязной ткани. Ты потерпи немножко. Я придумаю что-нибудь. Ты потерпи, только пожалуйста, немножко, подожди...

Решение пришло просто. От силы. Вспомнилась грация танца, и то оберегание, с которым дракон обвивался вокруг неё...

За пазухой навстречу ему рвется зеленый шарфик... Старый дед успел-таки пришить к нему глаза. И большие черные усы. Такие, каких не бывает, не должно быть у драконов...

Когда девочка увидела их, она испугалась; а старик только нахмурился и сказал – это его лицо. Он свободный дракон. Лесной и воздушный. У него всегда были усы. Позже эти его побрили – и не сказал ничего больше, и что-то сжалось внутри. Это было как прощание. Он знал, что скоро умрет. Она слышала, как кто-то говорил, что-только мудрецы знают час своей смерти и не страшатся его тоже только мудрецы. Разве ж он мудрец? Над ним всегда подсмеивались соседи. Старались не замечать старшие. Если б мама узнала, что девочка общается с ним – ух и досталось бы ей, а уж про папу даже и думать не хочется... Может быть и старика б поколотил, его можно было колотить. Он был никчемный. Какой же он

мудрец? Голова старого дракона тяжелая. Черт знает, откуда в ней сколько тяжести. Как будто он тоже горюет. А может быть, ему больно? Ты потерпи немного, подожди, я сейчас, сейчас, знаю точно, кто может тебе помочь.

Мокрая раскисшая дорога в деревню. Вообще-то главный вход не здесь, там уже давно бетонные плиты, метал ограды, блестят разделительные полосы и пешеходные зебры, но, как и бабушка, девочка почему-то всегда любила эту дорожку через поля.

Раскисшая после дождя глина, задумчиво поглядывают спящие, зарывшиеся по уши в чавкающую жижу быки, журавли на их спинах даже не пугаются проходящего человека – много чести – пугаться, какая-то малявка... малявка с тяжелой ношей.

Вот и знакомый забор, маленькая калитка, бабушка! И можно ничего не говорить, можно просто протянуть ей большой грязный кусок материи, и она взглянет тихо, и как будто вздрогнет даже, бережно возьмет поврежденную голову и тихо скажет: «Значит он умер, да?»

– Да, сегодня были похороны. У него ничего толком не было, все что было, сожгли, он оказывается был из этих, он неправильный был, да?

И вот этот вопрос, какой тут может быть вопрос, но он уже задан, и бабушка долго и странно смотрит ей в глаза, и тихо садится как будто ноги подкосились, на перевернутое ведро и тихо рассказывает неспешно, не выразительно, как-то

бескровно, не глядя не девочку, глядя драконью голову. Как будто он ей родной, этот грустный покалеченный дракон....

Молодой стройный высокий красавец. Потом его забирают первый раз. На перевоспитание. Потому что не марширует, не ходит как все. Слишком молодой, слишком стройный, слишком красивый. Потом он возвращается. Спина как-то неестественно изогнута, хромота, части пальцев нет, и работает он теперь мусорщиком.

Его больше не брали никуда: невоспитуемого, неправильного, чужого. А потом его забрали снова. Односельчане одобрительно кивали головами: мы всегда это знали, он ходил-то как – голова кверху, подбородок вздернут, смотрел барином. Никакого раскаяния, осознания; таких, как он, нельзя перевоспитать. Горбатого могила исправит. Но государство милостиво, даже слишком. И он опять вернулся.

– А на самом деле он перевоспитался?

– Не знаю. Может быть. Он перестал петь.

– А потом, что было потом?

– Он работал на кухне, вывозил объедки свиньям. Никто не брался за эту работу, поэтому его там и терпели. Вообще-то таким, как он, работы не полагалось... а потом к нам пришли беседовать. И его увезли. Доперевоспитывать. К нам в деревню он больше не вернулся. Лет через пять, когда начали выпускать, его выпустили тоже, и он остался в городе, работал где-то, может быть, тоже мусорщиком... жил тихо.

– Ты его видела потом?

– Да, пару раз на рынке.

– Он изменился?

– Когда я увидела его снова в нем чего-то не было. Дело не только в пальцах или зубах, изломанных ребрах или искривленной походке. В нем не было чего-то стержневого. Он больше не улыбался. Совсем, – бабушка тихо вздохнула, – Я не стала к нему подходить. Во-первых, там было много наших, а он, сама понимаешь, совсем не подходящая компания. А во-вторых, в нем ничего уже не осталось от того, что было раньше.

И тут девочка ясно вспомнила, как старик улыбался. Бережно и тепло – своему дракону, это было именно то, что позволило ей остаться, что задержало её тогда, в первый раз, злые волшебники так не улыбаются, в этом было что-то домашнее и родное, она всегда хотела, чтобы кто-нибудь так улыбался и ей...

А потом, когда вечерами они тихо сидели на ступеньках лестницы и дым от ароматного чая – смесь трав и может быть, имбиря – поднимался тихо вверх к облакам, он посматривал иногда на неё и улыбался. Именно ей одной, а может быть еще и всему миру... Длинным листьям ивы, сонным брызгам реки, большому шершавого дракону, мирно спящему у неё на коленях...

– Бабушка, знаешь, он всегда говорил мне, что хочет, чтобы после его смерти этот дракон достался тебе...

Почему-то она знает, что так нужно, пусть это будет

немного вранье, почему-то кажется сейчас, что так будет правильно...

Взмах, безмолвный вскрик удивленных глаз. Бабушка отворачиваясь уходит в дом, бережно держит дракона, её плечи слегка подрагивают, кажется она плачет.

Девочка не будет плакать. Пусть соленые ручейки бегут по лицу, их высушит ветер, их высушат луна и солнце, а она будет тихо улыбаться своему дракону, маленькому еще, с коричневыми глазами и хвостом с мохлюшами. Он выныривает у неё из-за пазухи, что-то мы засиделись там с тобой, вылетай родной, пора тебе поразмяться...

У

тро на велосипеде

Стоят удивительно жаркие дни. Днем температура поднимается до 37, и вечера не приносят облегчения: камень, бетон и асфальт большого города отдают дневной жар, пронизывающий пыльный воздух. Если учитывать, что кондиционеров нет почти нигде – то раскаленное пекло города становится серьезным поводом забросить все дела и, если ты китаец – просто тихо сидеть на складной табуретке в тени, осторожно пожевывая пельмени, или запереться у себя в кондиционируемой спальне, если ты белый.

Вся жизнедеятельность перенесена на раннее утро. Если встаешь в 7 – понимаешь, что большая часть дня уже прошла, и всё взрослое и не очень население многомиллионного города давным-давно на ногах, можно сказать, посреди своей будничной активности. Так что если действительно хочешь насладиться покоем и практически одиночеством (всего каких-нибудь пара десятков встречных пешеходов не в счет) то из дома надо выходить часов в 5... когда солнце только-только вынырнуло на небо, когда вдруг спала тишина и тысячью голосов и трелей зазвенели птицы. И пока еще – пока все остальные спят – это единственный звук, яркий и прекрасный. Он оттеняется только шарканьем бамбуковой метлы по тротуару – во всех странах мира дворники встают намного раньше других...

Поездка по полупустынным, полусонным еще, но уже

освещенным ярким летним солнцем улицам – удивительное ощущение. Мягко и бесшумно несется велосипед, попутный ветерок пролетает мимо, ободряюще блестит асфальт впереди. Петляют маленькие улочки, пересекаемые большими проспектами, по которыми начинают уже ползать первые автобусы. Около мусорного приемника собралась толпа мусорщиков, они живо делятся последними новостями, придиричливо сравнивая свои добычи. (Насколько я понимаю, мусор в Китае сортируется на таких вот приемных пунктах, и помимо государственных рабочих есть и частники, получающие определенную плату за килограммы разного вида мусора. Они приезжают на полу-самодельных транспортных средствах, а потому их сборища похожи на выставку научных достижений дворца пионеров под названием «Сделай сам»).

В парке, однако, уже собираются бодрые старушки. Часть из них образовала кружок и свищет бичами, звонкие хлопки перемежаются с резким взвизгом летящего бича, и редкий мотоциклист рискнет проехать поблизости от них. Задумчивые старички под заунывные напевы портативного радиоприемника раскручивают какую-нибудь юлу, а парочка дедов в белых полинялых одеждах принимают боевую стойку в тени раскидистой липы. Они медленно заносят ногу, приседают и потом выпускают воздух с громким и решительным свистом перенося вес на другую ногу. Потом наступает время мамаш и бабушек на всевозможного вида велосипедах

и мотоциклах. К каждому такому транспортному средству пристегнут полусонный ребенок, с огромным портфелем за спиной, в таком вот сомнамбулическом состоянии доставляемый в школу.

Путь с прогулки обратно наполнен поисками равновесия, эквилибристикой и своеобразной медитацией, когда ты вынужден лавировать на дороге почти полностью занятой хаотично передвигающимися транспортными средствами всех мастей, размеров и скоростей, не говоря уже о цветах и степени шума, (сюда входят велосипеды разной степени старости – от новейших, блестящих, с автоматическим переключением скоростей до обветшалых-древних, собранных казалось бы еще на заре прошлого столетия, пугающе скрипящих и подрагивающих от любого движения), причем все эти транспортные средства едут в самых разных направлениях одновременно, иногда среди них вклиниваются и большие машины, степенно и важно лавирующие в море двухколесного транспорта.

Если добавить ко всему этому живому потоку еще пару тысяч пешеходов – тоже всех возрастов и степени бодрости – от медленно тащащихся старушек, опирающихся на железные ходунки, до бодро несущихся подростков или весело скачущих трехлеток, от голопузых мужиков, переваливающихся с боку на бок до обтянутых кружевами на шелковых платьях женщин, в кокетливых шляпках и с неизменными зонтиками в наманикюренных руках, то передвижение по уз-

кой полосе, бывшей утром дорогой, представляет собой решение сложной, подчас головоломной задачи, где непрерывно приходится учитывать возможную скорость нескольких десятков приближающихся объектов, не говоря уже об их полу предсказуемой траектории, так как пешеходы, несущиеся в потемке мотоциклов и велосипедов тоже двигаются во всех возможных и невозможных направлениях.

Но это – лишь часть утреннего пазла, потому как в лабиринте движущихся объектов на той же узкой улице есть еще многочисленные не движущиеся (или полу движущиеся объекты): бесконечные телеги, кузова, мешки, корзины, и просто газетки, разложенные на земле и наполненные всеми мыслимыми и немыслимыми товарами – от трусов и зубных щеток до свежих помидор и полу-очищенной кукурузы. На обочине гордо высятся ряды с разноцветными штанами, кокетливыми блузками и бамбуковыми этажерками. Почти под ногами прохожих блестят кастрюли, ножи и фарфоровые мисочки с вазами.

К удивлению своему могу отметить что дорога обратно по этому живому утреннему морю-месиву доставляет мне острое наслаждение, когда все внимание сосредоточено на попытке предсказать скорость близлежащих объектов, когда ты то разгоняешься до безумной скорости, что бы обогнать вон тот грузовик, или успеть раньше вон этой выезжающей на проезжую часть телеги, то замедляешь езду практически до нуля, стремясь пропустить вон ту старушка на коляске,

или переждать пока мамаша с двумя малышами перейдет дорогу.

При этом все время приходится помнить о балансе, уверенно лавируя между рычащими мотоциклами, мешками с живыми шипящими гусями, несомыми на плечах жилистых старичков, объезжая ведра с помоями, загончики с поросятами, сточные ямы и шкурки арбуза.

Конечно, в искусстве езды по утреннему китайскому городу я бесконечно далека от совершенства. Потому что, хоть я и освоила езду с покупками на руле, когда мешки с петрушкой, картошкой, арбузами и грибами свисают с двух сторон руля, и даже могу совершать необходимые утренние покупки не сходя с велосипеда (манера бесконечно раздражавшая меня раньше на местных рынках, пока я не обзавелась своим транспортным средством, однако), но все же я еще не умею, проезжая мимо разбросанного товара, лавируя на ходу между мотоциклами, старушками, грузчиками и детьми на велосипедах, одновременно умудряться разглядывать и выбирать нужный товар, торговаться и шутить, напевая при этом какие то бодрые песенки себе под нос, как поступает обычный китаец.

Непременно следует так же добавить, что средне статистический китаец управляет велосипедом или мотоциклом одной рукой, в другой гордо вознося над собой зонтик. (Летом зонтики здесь используются в любую погоду потому что если летом не идет дождь, то светит яркое солнце, а загар на коже

– это признак бедности, непопулярности и нездоровья, так что местное население очень бережет светлые оттенки своей кожи, активно покупая отбеливающие кремы, и спасаясь от жаркого солнца под зонтами). Так что становится совершенно ясно, что до нормальной китайской езды по китайскому городу на велосипеде мне еще как до луны...

Когда встаешь рано утром – даже удивительно, сколько всего хорошего начинаешь замечать. Вело здороваясь со старичком соседом, имеющим мерзкую привычку в 6 утра играть волейбольным мячом на своем балконе, вдруг получаешь приветливое «ни хао» в ответ. И широкую улыбку до ушей. Несясь по набережной ближайшего пруда (в обрамлении плакучих ив, задумчивые небоскребы на той стороне, и огромный шар солнца медленно выползает из-за горизонта) вдруг с разных сторон слышишь приветственные крики, даже те, кто не могут сказать привет по-английски, от души орут по-китайски. И ты оборачиваешься на ходу и тоже что-то весело орешь, проносясь мимо.

На облизанном аккуратном и практически стерильном газоне одного из самых фешенебельных районов города видишь молодого человека, вылезшего из шикарного авто. Человек медленно и осторожно выносит на травку старую-старую, полуседую, с обвисшей кожей огромную собаку. Она такая старая, что уже не может ходить и задняя половина её тела опирается на хитрое механическое устройство с колесиками, позволяющее ей передвигаться, не опираясь на зад-

ние лапы. Когда собака забирается на самую середину газона и выжидающе смотрит на хозяина, он так же бережно отстегивает её от тележки, и она начинает валяться в траве, перекатываясь с боку на бок, и переползая с место на место. Китайцам всегда важна картинка, самое ужасное потерять лицо в глазах общества и соседей. Самое важное – быть как все, похожим. Собака, еле ползающая на передних лапах – жуткое зрелище. И уж точно не типичное. Соотнося возраст молодого человека и собаки понимаешь вдруг, что, возможно, она с ним с детства.

Может быть, она появилась, когда ему было лет пять-восемь. И замечая его взгляд, обращенный к собаке понимаешь вдруг что ему совершенно плевать и на лицо, и на общество. И что, хоть оба они и не знают сколько им еще отведено, но пока они вместе и совершенно счастливы.

В соседнем с нами старом облезлом доме на верхнем этаже живет старушка. Не очень молодая и не очень богатая. У неё маленькая рыжая болонка. Тоже старая. Очень. Так что лапы не держат. И старушка соорудила ей поводок. Он подвязан под животом около задних лап. И когда собака гуляет – старушка просто держит этот поводок, и собака может ходить. Даже бегать. При условии, что за ней бежит старушка)). Так они гуляют – вместе, с поводком, три раза в день. И обе улыбаются.

А позавчера утром я вдруг поняла, почему улыбается наш чинильщик велосипедов, немного полноватый задумчивый

улыбчивый мужик, что работает у метро.

Он спит на полу; в его мастерскую-жилье всегда распахнута дверь, порог завален велосипедами и деталями к ним, а на дальнем плане, как обычно принято у китайцев, можно разглядеть и жилые покои, шкаф с утварью, низенький столик, и кровать, почему-то без ножек. Это парень здорово чинит велосипеды. Быстро. Надежно. По тому, с какими вещами к нему приходят, видно, что он восстанавливает их прямо из пепла.

Но я познакомилась с ним по другому поводу, поскольку я в семье не отвечаю за починку велосипедов. Просто, как-то раз пробегая мимо, спеша в метро, как всегда, я поймала на себе внимательный взгляд его показавшихся мне умными глаз, и поздоровалась. По-китайски. Он улыбнулся и поздоровался тоже. В следующий раз, когда я бежала мимо, он поздоровался уже по-английски. А еще через пару недель даже прокричал мне с гордостью «How are you?» На этом, правда, его изучение английского закончилось. Может быть, соседи и знакомые сами больше ничего не знали, может быть остальные слова показались слишком длинными, а может быть просто он решил, что этого вполне достаточно. (Как говорил профессор Снейп, enough.)

Вот и мне же тоже вполне достаточно знать на китайском «привет» и счет до 10. Так или иначе, но теперь каждый раз, когда мы с ним видимся – у нас происходит милая, содержательная и серьезная беседа: он кивает мне, я здороваюсь,

и он осмысленно и вдумчиво произносит две выученные коронные фразы. А я стараюсь отвечать ему в тон. Половину по-китайски, половину по-английски.

И вот пару дней назад я увидела, как он едет по дороге на своем самодельном велосипеде. И тут до меня дошло. На самом деле он не может ходить, ноги безвольно висят тряпочками. Просто когда он сидит это не заметно. В нашей не самой фешенебельной и гламурной части города, застроенной старыми домами с узкими проходами между ними, без пандусов и спусков на инвалидной коляске, да еще и в одиночку, делать нечего. Но как мастер велосипедного дела он сконструировал для себя подходящее транспортное средство, педали которого превращены в рычаги и приводятся в движение руками. Так что он спокойно и с достоинством может ездить в магазин, к друзьям и знакомым. Может быть даже запчасти для мастерской забирать. Никого ни о чем не прося и справляясь со всем совершенно самостоятельно. Если ты что-то умеешь, выход всегда найдется. Да?

Золушка Чен Хон

«Не обращайтесь на неё внимания: она очень плохо говорит по-английски», – кивают мне головой в сторону одной из воспитательниц.

Я – иностранный специалист в китайском детском саду. Моя ведущая поддерживающая воспитательница (комсомолка, отличница, активистка) проводит мне экскурсию. По помещениям, классам, и рабочему коллективу.

В этом пренебрежительном кивке в сторону одной из воспитательниц меня удивляет даже не нескрываемое, подчеркнутое неуважение к коллеге (в Китае у всех своих роли, довольно часто в любом коллективе есть изгой, лишний, outcast, его все сторонятся и избегают, над ним иногда смеются, это такой козел отпущения), так что в таком поведении нет ничего особенно удивительного, но я не понимаю, с чего они решили, что именно эта преподавательница плохо говорит по-английски. На мой взгляд, все воспитатели садика, за исключением моей сопровождающей и ведущей учительницы, говорят ужасно, а вернее практически вовсе не говорят по-английски. Так что данное утверждение как-то провисает в воздухе и выглядит несколько нелепо.

Почему же они именно эту преподавательницу так особенно не любят? Потому ли что она носит огромные очки с толстыми стеклами? Или ходит в высоких, по-деревен-

ски грубых резиновых сапогах во время дождей, тогда как остальные члены коллектива носят кокетливые резиновые полусапожки? Потому ли что она как курочка-наседка собирает детей своей группы, утешает их, если они огорчились, не ругает особенно, только если уж очень требует коллектив и вышестоящее начальство, искренне радуется веселым играм и детской возне своих подопечных и зачастую сама принимает в них оживленное участие (пока никто из коллег не видит)? Потому ли, что на её близоруком худом лице так часто блуждает улыбка?

Волосы небрежно собраны в невозможный хвост. Она и не красится почти никогда. Всегда готова мне помочь, всегда улыбается приветливо и немного растеряно.

«Я плохо говорю по-английски», – извиняется она, когда я захожу в её класс, чтобы провести урок с её детьми. И я растерянно пожимаю плечами ей в ответ. Мне так хочется сказать, что она говорит ничуть не хуже, чем все остальные, но я не уверена, что она правильно поймет меня... (Как иностранный специалист, а проще говоря белая обезьяна, я должна проводить 20-минутный урок каждый день с каждой группой детского сада. А потому я бываю во всех классах и знаю всех преподавателей.)

Помню, один раз в сад приехала проверяющая комиссия из самого Шанхая. Члены комиссии заняли мой кабинет, единственное отапливаемое помещение во всем этом детском учреждении, и несколько дней подряд ходили на уроки

к воспитателям. Уроки фантастически преобразились, как и сам детский сад. В каждой группе появились мягкие коврики, уютные лампочки, разноцветные заборчики и море игрушек.

(Обычно игрушек в группах нет. Дети должны учить иероглифы, математику и английский, и их ничего не должно отвлекать от этого важного занятия. Самое печальное, что родители, как правило, полностью поддерживают такую политику, я сама видела, как мама отбирала и выкидывала у дочки игрушку: «это пустая трата времени! Займись лучше делом».)

Каждый урок превратился в мини-спектакль, с костюмами, разноцветными подручными материалами, светомузыкой, и спецэффектами. Наблюдая ошарашенные лица детей я с тоской думала, что если бы все эти предкомиссионные усилия поделить на каждый обычный урок в году, то, может быть, детям было бы даже немного интересно учиться...

Из всего этого потемкинского разнообразия запомнился мне опять-таки урок той самой «не говорящей по-английски» воспитательницы. Он был про бабочек и то, как они превращаются, про яйца, гусениц, коконы и наконец – волшебство преображения – из серо-черного кокона выпархивает разноцветное чудо – крылатая бабочка. Когда речь зашла о бабочке – лицо воспитательницы просияло, и она так живо замахала руками, что вдруг стала видна бабочка – немного неуклюже и осторожно выбирающаяся из кокона, еще неуве-

ренно взмахивающая своими слегка еще помятыми, слипшимися крыльями, но вот взмах, другой – она набирает высоту и ... огромные синие дали и ласковое золотое солнце, буйная зелень и бесконечные яркие краски с радостью встречают её.

Дома преподавательница вырезала и склеила фигурки всех этапов преобразования, и после сбивчивого (от волнения) объяснения у доски, после суховато научного хотя и внятного видео, стала складывать со своими учениками эти фигурки в этапы развития бабочки – вот яйцо, вот гусеница... сначала хором на доске, потом по группам: дети сами брали существ, щупали их, разглядывали, держали в руках, затаив дыхание, а потом прямо на полу («Тц-тц-тц, – скажет высокая комиссия, – как некрасиво») складывали этапы появления бабочки...

Но жизнь садика состоит не только из комиссий. А поскольку я оказалась приписана к саду – не важно есть ли у меня уроки или нет, я должна была сидеть там полный день, и у меня образовалась масса времени понаблюдать за многими проявлениями этой жизни подробнее. Репетиция спортивного мероприятия на улице, сипит колонка усилителя, все гневные и недоуменные взгляды обращены в одну сторону, а та самая воспитательница, смущенная и покрасневшая, несется в садик разыскивать другие колонки...

Кто плетется в самом хвосте бодро марширующих масс? Кому достается самый трудный и грязный участок пола при

общем мытье коридора (и самая кургузая, не удобная метла)? Кого всегда обходят пельменями? Кто в дождливую холодную погоду под любым предлогом не проводит физзарядки на улице? Кто зимними промозглыми утрами, когда рука без перчатки замерзает и синеет в помещении не открывает в своем классе окно и о, ужас! – включает на полную мощь казенный кондиционер на обогрев? Кто занавешивает шторы чтоб не дуло? Кто подтыкает одеяла под спящими, разметавшимися во сне детьми? У кого на коленях сидят и шушукаются о чем-то своем старшегруппские девчонки?

Кто перед праздниками отменяет все занятия и с упоением крашивает и наряжает своих воспитанников? Да, изгой в Китае определенно бывают очень интересны...

Перед новым годом в светлую голову нашего начальства забрела идея поставить силами воспитательского коллектива пьесу на английском. Конечно, это должна быть сказка. Конечно, если сказка, то обязательно «Золушка». Мне поручают самую характерную роль мачехи, за что я берусь со страстью и удовольствием, господи, как давно я мечтала поорать на всех тут, и вот теперь у меня есть такой приличный повод! Иногда, после моей очередной наполненной злостью и страстью тирады – коллектив замирает в немом изумлении, а потом разражается аплодисментами – от страха ли перед настоящим и оттого таким живым гневом, или и вправду изумленные что слова можно играть....

Кроме того, мне поручают также прослушку прогонов

всего коллектива, когда после уроков, по вечерам, еле сдерживая желание помчаться домой, они собираются в единственной теплой комнате во всем саду и зачитывают свои роли по очереди, особо не вникая в смысл, думая лишь о про изношении.

И мне раз за разом приходится останавливать их, пытаться объяснить им те чувства, которые должны бы испытывать их герои, придать им определенную интонацию хотя бы... хоть паузы к месту расставить. Хорошо, может быть, просто понятно произносить слова, чтобы они ну хоть отчасти были бы похожи на английские... но, собственно, ради кого я стараюсь? Среди зрителей (дети и родители) среди участников (воспитательский коллектив нашего детского сада) все равно нет никого кто мог бы хоть сколько-нибудь понимать по-английски, так что для всех это будет всего лишь разнозвучная бессмысленная белиберда, преисполненная понтов и гордости от своей значимости: мы тут по-английски пьесы играем – не хухры-мухры!

С многочисленными извинениями и поклонами к вечерним репетициям добавляются дневные (страшно сказать, в послеобеденное время святого для всех китайцев дневного сна). Конечно, сон не отменяется совсем, просто сокращается до безбожного единственного часа, а остальные два посвящаются репетиции на месте, так сказать уже в живую, со всеми выходами и проходами. Но поскольку делать два дела, да еще после обеда китайцы не в состоянии, то все свои

слова они произносят уже по-китайски, и только я одна гордо выплевываю свои оскорбительные реплики по-английски. Жизненной правды добавляет сцена с примеркой туфельек. Куда ж там без мачехи, она бодро подскакивает к гарольду, расталкивая всех своими пышными телесами и протягивает свою ногу, гигантскую ногу надо сказать, потому как у китайцев 37 размер уже считается огромным, а у меня он по жизни сорок один...

Гарольд, грациозно приседает на одно колено перед стулом с примеряющими, он держит в одной руке маленькую туфельку, обмотанную золотой фольгой (в углу несколько капель застывшего клея, на каблуке фольга таки ободралась – интересно, кто же это мерил садиковский реквизит), плащ небрежно откинут, черные волосы грациозно заправлены за ушко.

В гарольдах у нас преподавательница: себе на уме, маленькая, с несколько круглыми глазами, водит свой мотоцикл, иногда пред удивленными (и наливающимися завистью) очами всего коллектива за ней подъезжает лихой молодой китаец на мощном дорогом мотоцикле. Так вот, увидев мою ногу 41 размера, гарольд теряет равновесие и, бормоча что-то ошеломленное, чуть не падает на пол, его едва успевают подхватить Золушка и её сестры. И мачеха тоже чуть не падает со стула, заливаясь неподобающим ей хохотом! Уже после репетиции воспитательница себе на уме подошла ко мне и с некоторым ужасом и восторгом сказала – какая же большая

у вас нога...

И все же слова английские учить надо. И их много. И больше всех их у Золушки. Так что нетрудно будет угадать кому отдали самые длинные слова в пьесе, да-да, именно ей, не говорящей по-английски, нелюбимому пугалу. И она учит их. Я прямо представляю, как прилежно и старательно она сидит вечерами у темного окна, из термоса пар в потолок, орет заунывное пение краснознаменного хора песни и пляски от соседей, тускло светит дешевая лампочка, и она сидит перед ворохом листов и тихо, терпеливо их учит. Я действительно стараюсь больше её хвалить, и не делать замечаний по произношению, по крайней мере при всех, и пусть это будет фаворитизм и отсутствие равного отношения...

И все же – слова словами, а что может быть самое главное в китайском представлении? Если уж, после многочисленных дебатов вы все-таки и вправду отказались от идеи пира с использованием настоящей еды? Ну же? Если вспомнить любимое вечернее времяпрепровождение средне китайского гражданина? И, нет, это не запускание змея. может быть его бы тоже включили, но места, знаете ли нет в помещении, не хватка места не позволяет... однако это не повод что бы забывать китайские традиции и конечно, ключевым моментом постановки будет бал!

Участники разбиваются на пары. Выход короля. Выход гарольдов. Прибытие мачехи с дочерьми... Принца играет единственный мужчина (молодой человек) детского сада –

веселый улыбочивый парень, немного пухлый, всегда спокойный, специалист по компьютерам, вот уж кто действительно совершенно не говорит по-английски! Ни единого слова! Когда мне надо распечатать материалы для урока каждый раз это захватывающая дух пантомима – но нам обоим весело, и в его тихом заваленном компьютерами, папками и шкафами с документами офисе почему-то спокойно и по-домашнему уютно, и мы оба хохочем над моими бесполезными усилиями, и в конце концов я таки получаю что-нибудь, отдаленно напоминающее те материалы, которые задумывались как необходимые к уроку...

По поводу танцев на балу разгораются жаркие дискуссии. Есть несколько активистов, предлагающих свои варианты движений. (Нужно ли говорить, что они не имеют ничего общего с европейскими танцами? Нужно ли добавлять, что никому из участников спора и в голову не приходит спрашивать меня?)

Самая активная – смуглая, маленькая, тумбочкообразная девушка средних лет настаивает на довольно-таки рискованном варианте с задиранием ног, резкими поворотами, обниманием груди и нежным прижиманием партнеров.

Слава богу, с критикой резко выступает гарольд – та самая, кого встречает красивый парень на дорогом мотоцикле; может быть, она предполагает, что он будет присутствовать на выступлении, или что он может увидеть запись спектакля, и категорически, вопреки гармонии масс и воле кол-

лектива, отказывается участвовать в танце страсти. Так что приходится остановиться на более облегченном варианте, и выражение досады долго потом не сходит с лица зачинщицы-смуглянки.

И вот неловко, немного косолапо выходит Золушка. В своих гигантских очках с толстыми стеклами, волосы торчат по сторонам. Она близоруко и как-то растерянно улыбается. Под дружное нетерпеливое шипение из-за спины короля (заведующая садиком) и гарольдов выходит принц. Он тоже смущен, явно не знает куда деть свои большие ставшие вдруг неуклюжими руки. Торжественно объявляют парный танец. Все выстраиваются в дружные шеренги. Принц берет Золушку под руку, а она доверчиво, почти по-детски кладет руки ему на плечи.

Колонки опять чихают, смуглая активистка чертыхаясь бежит их налаживать, партнеры изо всех сил стараются не наступать друг другу на ноги, и оставаться на своем месте в шеренге, некоторые горячие головы предлагают парам еще менять свои места, плавно передвигаясь по сцене, последнее вносит полное смятение в ряды танцующих, отчаявшиеся и уставшие они постепенно покидают сцену, как покидают поле боя, и ... Вдруг с удивлением обнаруживают, что битва вовсе не кончена, сцена вовсе не опустела, и под все еще звучащую музыку там по-прежнему танцуют двое.

Принц и Золушка. Они медленно медленно кружат в танце, его рука осторожно придерживает её за талию, её рука на

его плече, другие две вытянуты (ну, наконец-то – хоть кто-то краем глаза здесь видел хотя бы картинки с европейскими танцами), ладонь в ладони – маленькая бледная и по-детски худенькая в большой, мясистой, надежной, смуглой... Движения синхронны, они попадают в такт как будто танцевали вместе всю жизнь. Музыка внезапно обрывается (вероятно не без участия смуглой активистки), и эти двое смущенно и испуганно озираются вокруг, мгновенно выпустив руки друг друга, они так моргают и жмурятся, как будто только что проснулись от глубокого сна...

Неловкость всеобщего молчания обрывает гудок, провозглашающий начало второй рабочей половины дня. Пора будить детей и начинать обычные действия. Бегом, марш, марш...

Я не смогла долго работать в детском саду. Через два месяца каждодневного пребывания в коллективе я тяжело заболела и поняла, что попросту умру, если проведу еще хоть один полный день в стенах детсада... К сожалению, я не могу отсиживать регулярные офисные часы в одном и том же месте постоянно пять дней в неделю. Муж нашел другую работу, и мы собрались переезжать.

Я заходила попрощаться с детьми, забрать свои вещи из преподавательского шкафчика. Задумчиво собирая вырезанные картинки, обрывки учебников, детские рисунки, свинчивая свой термос для чая я смотрела на притихшие пустые классы, погружающиеся в сумерки.

Дети уже ушли. Равно как и их воспитатели. Скоро придет уборщица и мокрой грязной тряпкой выметет все к чертям собачьим, и меня тоже.

И вдруг, в дальнем углу полутемного коридора я услышала чей-то приглушенный мелодичный смех. Я всегда знала, что у Чен Хон, так звали нелюбимую коллективом преподавательницу в очках с толстыми стеклами, очень красивый смех. Как тысячи маленьких колокольчиков, нежная музыка ветра в промокшем весеннем саду. Пожалуй, именно она – тот человек кого приятно будет увидеть, с кем важнее всего попрощаться. И я решительно направляюсь в дальний конец коридора.

Дверь в её класс слегка приоткрыта, золотые квадраты света весело лежат на полу коридора. Эх, она опять включила все лампочки в классе, знали бы другие ну и влетело бы ей (в коллективе же экономия, китайцы бережливый народ: зимой лучше не включать обогреватель ради сбережения электроэнергии, то есть денег на счету), и лампочка у порядочного человека должна быть подслеповатая, потусклее, чтоб меньше нагорало.

Я заглядываю к Чен Хон в проем и вижу, как они стоят вдвоем, обнявшись: Золушка со своим принцем. Слава богу, я не считаюсь полностью членом коллектива, белая обезьяна всегда будет всего лишь белой обезьяной, к тому же они оба знают, что я скоро уезжаю, и потому они не вздрагивают, я улыбаюсь им навстречу как можно шире и искреннее, и

принимаю невозмутимое выражение лица. Все нормально, я ничего не скажу, и никого не осуждаю; объясняю: вот, зашла попроситься.

Они говорят мне «пока», для приличия спрашивают куда мы переезжаем, и потом она, вся светясь от переполняющих её золотистых светлячков, немного опустив глаза, тихо говорит мне: «Ян Фен пригласил меня на новый год к себе, в свой родной город. Мы поедем навещать его родителей в первую неделю нового года».

(Для китайцев это практически как предложение руки и сердца.) Конечно, еще нужно получить разрешение родителей на брак, без него вас не поженят, но все же сейчас времена уже полегче, и родители, как правило, соглашаются с выбором детей, тем более что наш компьютерщик (оказывается, его зовут Ян Фен, мне он всегда представлялся по-английски Стас) уже подходит к порогу того возраста, когда китаец должен завести семью. Так что процент вероятности благоприятного исхода очень велик, и я от души желаю им всего хорошего.

Они тихо улыбаются мне, так и продолжая держаться за руки, а через полчаса я вижу, как Чен Хон лихо надевает на свои растрепанные волосы красный шлем и садится на мотоцикл со своим женихом, нежно обвив руками его спину.

Старый город. Картинки

По вечерам в квартале одноэтажных домов с загнутыми по краям черепичными крышами, испещренном поросшими мхом и пахнущими плесенью каналами, стиснутом со всех сторон небоскребами и скоростными магистралями, где на окнах вместо цветов стоят кадки с огурцами и проросшим луком, где под полуденным солнцем старые, замотанные в платки старушки сушат капусту на мосту, так вот – по вечерам там зажигаются красные много ребристые фонари с махнушками на концах и портретами древних китайских поэтов на стенках. В вечернем синем воздухе они горят тёплыми живыми огоньками и слегка покачиваются на ветру, кажется, что это какой-то магический танец, и еще пару взмахов и ты вместе со старым городом перенесёшься на много тысяч лет назад, и может быть вряд ли и вернешься обратно...

Голые ошипанные утки, развешанные на бамбуковых палках к обеду, перегораживают там все дороги, капуста, которую к полудню раскладывают сушиться на тротуарах, кустах, ступенях моста, крышах сарайчиков и велосипедных сиденьях придает пейзажу неожиданную свежесть.

В дождливый день выглядываешь из окна, а ближайшей горы не видно – небо заволокло серыми тучами. Бросаешь взгляд вниз, а земли и асфальта тоже не видать – качается и бежит море зеленых, красных, золотистых, синих зонти-

ков. Огромные и поменьше, с бахромой, кружевами и кокетливой сеточкой по бокам, всех сортов и размеров. И все же – невозможно, что бы не было одинаковых. Фантазия местных жителей не парит, и даже не летает, а спит где-то глубоко-глубоко в подземной потаённой горе.

С этими зонтиками вышла у нас один раз интересная история. По старой питерской привычке я зонтик с собой никогда не ношу – к чему – если и так всё время идет дождь?! Так всю жизнь с зонтиком и проходишь. Но это в Питере – чего там – промок, едешь в метро – тепло, в магазине – тепло, пришел куда-нибудь, и снял верхнюю одежду, пока ты занят делами она как-нибудь уж просохнет. Здесь же, в Китае, любое намокание опасно – холод же собачий повсюду, и никаких обогревательных приборов, промок и все, считай, уже насморк тебе обеспечен, а там и до могилы недалеко в таком-то влажном климате.

Привычка, однако ж, вторая натура, и зонтиков здесь я с собой по-прежнему не ношу, тем более, что у нас дома есть обогреватель, который мы и включаем все время, не обращая внимания на счета за электричество и неодобрительные замечания соседей, искренне считающих, что тепло в зимнюю пору очень вредит здоровью. Одно из древних китайских медицинских поверий гласит, что температура в помещении должна быть такой же, как и температура на улице, иначе заболеешь-умрешь – пропадёшь. И то верно – как же истинный китаец может так много раз за день перестраивать-

ся; еще и переодеваться придётся!

В общем, идём мы с дочуркой как-то по улочке старого города, фонари на ветру покачиваются, дождь моросит, мостовая под ногами шлепает, всё как обычно. Заглядываем попутно в открытые двери всех домов на улице. Особенно дочка любила это занятие. Она тогда маленькая была, года полтора только, никакого смущения, обожала заходить в открытые двери и присоединяться к китайским семействам. То пельменями угостится за общим столом, то старичку поможет на трубе поиграть, а то раз устроила танцы: там старичок сидел телевизор смотрел, и по телевизору как обычно что-то очень бодрое, коммунистическое, маршевое – розовощекие девушки, молодые веточки ивы, красные флаги и бодрый хор на заднем плане. Ребенку моему очень музыка эта понравилась, он тут же плясать перед телевизором начал, к огромному удовольствию старичка.

Ну так вот, идем, стало быть, мы по улице, и обнаруживаем зрелище, действительно достойное внимания: всё помещение и без того маленького домика превращено в склад, даже второй этаж сделан и там тоже склад – какие-то коробки, баночки, сундучки, бутылки. Посреди всего этого великолепия обитают два старичка, вероятнее всего – муж и жена, сидят они себе тихонько и на улицу в открытую дверь смотрят. Нас видят. Дочь помахала им. Они тоже. Мы уж мимо прошли, вдруг старушка как вылетает из дома, а в руках у неё огромный шелковый зонтик. С синими не то ромашками, не

то колокольчиками, вышитыми на потершемся уже шелке. И нам протягивает. На, говорит. Мы и так, и эдак – не удалось отказаться; так потом этот зонтик у нас долго-долго в углу стоял, напоминая старушку. Мы несколько раз порывались его вернуть, но больше тот дом найти не смогли. Он как будто растворился, растаял в извилистых улочках старого города.

Мой муж находит тысячи потайных маленьких тропинок, сквозь наслоение домов, сваленной в кучу старой мебели, сушащихся многочисленных трусов и купальников, игорных домов (всего лишь домино), и рынков, скобяных лавок, и магазинчиков пряностей, и все тропинки ведут в волшебный полусонный парк, непонятно как уместившийся в центре густонаселенного современного города, с огромной пружинистой травой, лианами, облепливающими опоры моста скоростной магистрали, пролетающей где-то высоко в облаках над затенённым уютном кленов с маленькими листьями, огромных платанов с шелушащейся кожей, невозмутимыми темно-зелеными пальмами и старой пагодой на самой верхушке горы, парка с длинными тенистыми беседками, с много поворотными (от злых духов) мостами, стелющимися по зеленоватой, поросшей ряской водой прудов, где из самой глубины вдруг выплывают на вас огромные золотисто-красные пучеглазые рыбы.

Парк, где хочется остаться навсегда, стать воздухом прозрачным, отражением теплого полуденного солнечного луча,

желтокрылой бабочкой, вспархивающей внезапно с огромного томно ароматного розового куста. В парке этом умещаются как-то старички музыканты – пара десятков разных групп, и просто поодиночке, играющих на невообразимых национальных инструментах и издающих поистине душераздирающие звуки!

Иногда их, впрочем, разнообразит хоровое пение старушек в парке – когда у кошки выкручивают хвост и то, наверное, получается мелодичнее! И все потому что у них не семь нот, а какое-то другое количество. И это как-то связано с космическими стихиями воды и воздуха, огня и земли, и когда они музицируют, то свято верят, что в этот момент восстанавливается космическое мировое равновесие, и потому они не особенно нуждаются в зрителях, ну и видимо как-то репетировать перед выступлением им тоже не приходится в голову...

Чуть поодаль от веранды, на которой музицируют сразу три группы музыкантов – музыка, естественно, совершенно разная – и две певицы (песни они поют тоже ни секунды не одни и те же, но когда думаешь о мировой гармонии – не так уж и важно, кто еще поёт у тебя под ухом), в двух шагах от восстановителей мирового порядка на лавочке примостились две старушки. Они отчаянно и в полном молчании режутся в карты, выгнав единственного старичка на пенек неподалеку, откуда ему приходится вскакивать каждый раз, когда приходит пора его хода.

Однажды поздно вечером мы возвращались домой через этот парк. Стелился туман, безлюдность и пустота окутывала со всех сторон. В то же время ощущалось, что ты тут не один, клубились вокруг духи, и становилось очень не по себе. Отчетливо вспоминался лесной царь. Типа, не скачи скорее, отдай ребенка. И сердце замирало и подпрыгивало не хуже резвого коня.

По утрам же тут можно увидеть пару сотен бодро упражняющихся людей, в желтых, красных, зеленых одеяниях, живенько размахивающих огромными мечами – в небольшом парке посреди шумного, живущего современной жизнью города. Прохожие спокойно проходят сквозь строй упражняющихся и бровью не ведут, ни на секунду не отклонившись даже от свистящего в воздухе меча.

Предводитель упражняющихся – жилистый такой мужичок в черных одеждах, устав размахивать мечом, берет у дворника метлу и с громкими вдохновенными криками принимается крутить её меж пальцев. Потом невозмутимо ставит метлу на место, садится на парковую скамейку, переодевает боевые штаны на офисные брюки, приглаживает взгляд и идет на работу.

Если повернуть из парка назад, в старый квартал одноэтажных домов, словно бы замерших у его границ, то скоро увидишь мирно сидящего посреди улицы китайца, стриженного свои огромные грязные ногти на ногах над тазом с дымящейся водой.

Неподалеку женщина вяжет на крыльчке; дверь распахнута, не поймешь, что это за ней: магазин, склад, просто жилой дом?

Старичок играет на китайской скрипке – пара струн, тонкий протяжный, заунывный такой звук, он один в доме, окно и дверь распахнуты в вечерний холод, половину комнаты занимает кровать, остальное пространство отдано потрепанному мотоциклу. В углу притулилась дымящаяся рисоварка.

На другом конце улицы – моющий пуделя мужчина. Хлопья пены разлетаются в разные стороны. Собака стоит в тазу и слегка потряхивает шкурой, поворачиваясь к хозяину разными боками. Прохожие невозмутимо уворачиваются от пены, даже не ускоряя шаг.

На углу дом, где как-то умерла старушка, и с крыши были свешены черные флаги, улица перед домом устлана соломой, и два монаха в оранжевых одеяниях стояли пару суток по краям от входа и пели неостановимо протяжные песни на неизвестном языке.

Мыши повсюду. На улицах и рынках, в магазинах и маленьких двориках. Может быть, поэтому у них тут так холодно в домах, чтоб не заводились они и там? Ну что б по крайней мере не расплодились в ужасном количестве.

Ночной рынок под мостом у дороги, в двух шагах от парка: с извивающимися угрями, черепахами и рыбами, пытающимися вырваться из своих пут, еще полуживыми, но уже обреченными на съедение. Рынок притулился у самого края

парка, с резной пагодой на горе, в двух шагах от входа в бездонную пещеру. Днем, когда рынок закрыт, ворота пещеры, наоборот распахнуты, и отважившийся забрести туда обнаруживает, что многие ответвления подземных туннелей превращены в игорные дома и банные купальни, а ближайшее к выходу занято цветочным магазином.

В Шаосине всюду каналы и горбатые мосты. Каналы пересекаются под безумными углами, отчего совсем теряешься в пространстве.

Китаец, не спеша курящий трубку медленно гребет, держа весло босыми ногами. Сам при этом в ватнике и в шапке. Лодка длинная, узкая, с низкой черной крышей, что бы забраться под эту перепончатую крышу надо согнуться в три погибели, и тем не менее, сооружение это еле протискивается в каналы и под мостами.

Тетки с корзинами на коромыслах. Из корзин торчат головы любопытных гогочущих гусей и уток, или белье, готовое к стирке.

Есть здесь такой обычай – по выходным все многочисленные семьи со старушками во главе отправляются на ближайший водоем (это может быть пруд, канал, река или любая другая заводь), обвешанные корзинами, тазами и ведрами, наполненными бельем, на дне которых прячутся щетки, мыла, порошки и другие моющие средства. Бельё и посуду привозят на велосипеде. Иногда тут же ощипывают и потрошат куриц и гусей. Стирают голыми руками в ледяной воде. Руки

становятся красными и потрескавшимися. Пальцы разбухают и обрастают грубой толстой, какой-то сероватой кожей с наростами.

Сполоснув слегка поросшие мхом и моллюсками ступени лестниц, женщины раскладывают прямо на них свои тряпочки и рьяно принимают их тереть, так что клочья пены летят повсюду. А потом долго мотают в мутной, слегка подгнившей воде реки, при этом мимо может плыть мусор вроде оберток, фекалий, полиэтиленовых мешков.

Постиранная одежда затем раскладывается повсюду: все цветущие кусты и сливовые деревья покрывают гордо развевающиеся трусы, лифчики, дырявые носки, длинные потрепанные штаны и рабочие комбинезоны.

На одном из каналов я неоднократно наблюдала картину, как пришедшая стирать тётка первым делом извлекала из корзины с бельем большую утку, и та, крякая и переваливаясь, плюхалась в мутную воду канала и принималась нарезать круги вокруг мирно стирающей хозяйки. Когда стирка была окончена, хозяйка собирала мыло и щётки, а утка забиралась обратно в корзину. Она была очень домашняя. Впрочем, я не уверена, что хозяйка её не съела на ближайшие новогодние каникулы: у китайцев очень условные понятия о привязанности...

Вообще, что поражает в Китае – полное отсутствие какого-либо смущения. В магазине, на рынке, в детском саду, на улице, принаряженной к первомайской демонстрации, гор-

деливо на самом видном месте легко и просто могут сушиться трусы и лифчики, не очень новые, не очень красивые, и прямо скажем, не очень маленькие.

К сожалению, нужно сказать, что теперь уже нет этого старого города в Шаосине. На его месте – квартал для туристов. Местных старичков переселили куда-то, маленькие каменные, поросшие плесенью домики превратили в кафе, а капу-сту на мосту развешивать теперь запрещено.

Естественно, Китай остается Китаем, если и меняется он, то постепенно и страшно медленно, не спеша, имея ближайшую перспективу по крайней мере в какую-нибудь тысячу лет. Привычки никуда не делись, и по выходным у других рек и озер все та же стирка, а в парках то же заунывное душераздирающее пение, но вот этого маленького, стиснутого городскими небоскребами кварталчика – больше нет.

Зачарованное озеро

Осень нынче выдалась переменчивая. То хмурые дожди, то вот как сегодня – солнечно, и в ласковом тающем желтоватом тепле с трудом верится, что лето уже прошло, что впереди остались только холода. Он сидит на ступенях университетского музея, миндалевидные глаза щурятся на солнце, вытягиваясь в тонкую ниточку. Если совсем их закрыть, то вновь начинаешь видеть разноцветные, чуть подернутые синевой горы, которые мягко перекрывают одна другую, словно наплывая, их границы размыты в утреннем тумане, и медленно, оглушительно тихо из-за их округлых вершин выкачивается солнце.

До чего же удивительно ясно он все еще помнит их, горы своей родины. Нынче летом опять не получилось там побывать. Очень уж это далеко. И хоть на учебу ему выделена стипендия правительства (как же – помощь отдаленным провинциям), а на сопутствующие траты деньги высылает семья, то вот такая роскошь, как билет домой и обратно, уже не под силу хоть и многочисленной, но довольно бедной родне. Конечно, оставаться на лето в общежитии студентам тоже запрещено, но в порядке исключения руководитель курса устраивает к себе в мастерскую, при ней же можно и жить все лето.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.